

**«ПРОРВАТЬСЯ К САМОМУ ОЧАГУ ДУШИ»:
два романа сестёр Бронте в рецепции Вирджинии Вулф**

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614090, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15.

bproskurnin@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

Статья поступила в редакцию 25.05.2021

В статье рассматривается эссе Вирджинии Вулф 1916 г. «"Джейн Эйр" и "Грозовой перевал"», позднее вошедшее в книгу «Обыкновенный читатель». Автор статьи демонстрирует идейно-художественное своеобразие эссе Вулф и показывает, насколько художественное своеобразие тематики, образности и стиля Ш. Бронте и Э. Бронте оказалось близким В. Вулф, как, высоко оценивая эти два шедевра английской литературы XIX в., Вулф преодолевает критико-негативное восприятие викторианской эпохи, подвергая сомнению миф о тотальном антивикторианстве писательницы и ее коллег по группе «Блумсбери». Автор статьи утверждает, что выбор двух романов, которые сами по себе построены на преодолении норм и табу викторианского социума и на высоком общечеловеческом пафосе, а также высокохудожественный анализ произведений помогают лучше понять особенности художественного мира самой Вулф.

Ключевые слова: Ш. Бронте, Э. Бронте, В. Вулф, «Блумсбери», реализм, модернизм, английский роман, викторианство.

В мировом литературоведении и культурологии устоялось мнение, что английские модернисты (особенно члены знаменитой группы «Блумсбери», с перерывами существовавшей до начала тридцатых годов) настолько раскритиковали викторианство, что парадигма исключительно негативного отношения к викторианскому прошлому надолго вошла в сознание англичан, да и не только их. Саймон Джойс пишет: «Пусть и спорно, но существует мнение, что их [блумсберийцев. – Б. П.] взгляд определил мышление двадцатого века о девятнадцатом» [Joyce 2004: 631]. Известный специалист и сторонник нового, без клише и стереотипов, подхода к викторианству Мэтью Свит прямо утверждал, что именно из-за блумсберийцев «все, что мы знаем о викторианцах, неверно» [Sweet 2001: ix].

Как известно, одним из первых, кто придал оп ределенную законченность блумсберийским оценкам викторианства (по словам С. Джойса, «открыл огонь по викторианцам» [Joyce 2004: 631]), стал Джайлз Литтон Стрейчи, зна менитые книги которого «Именитые викторианцы» (*Eminent Victorians*, 1918) и «Королева Виктория» (*Queen Victoria*, 1922) считались едва ли не самой сокрушительной критикой викторианского века и его идеологии. Однако даже в книгах Стрейчи чувствуется неоднозначное, порою на грани неприязни и восхищения, отношение к «позапрошлой эпохе» (так называли блумсберийцы викторианство, отделяя его от своей, георгианской, эпохи годами под названием «эдвардианство», которое более всего и подвергается ими жесткой критике как «викторианство, доведенное до крайности») (см. о книге Стрейчи [Проскурнин 2020]). Антивикторианство блумсберийцев, как оказывается при ближайшем рассмотрении, явно преувеличено, более того – оно уже основательно мифологизировано и «кочует» из издания в издание. Об отсутствии резкой сатирической дистанцированности модернистов от викторианской литературы мне уже доводилось писать (см. [Проскурнин 2006; Проскурнин 2007]), пытаюсь разрушить этот миф.

Совершенно очевидно отнюдь не предвзято критическое отношение к викторианству в некоторых литературно-критических работах Вирджинии Вулф, особенно – в статьях, посвященных творчеству Джордж Элиот, сестрам Бронте, викторианской эссеистике, о чем не раз писали некоторые зарубежные литературоведы, подчеркивая более органическую, чем традиционно принято считать, связь творчества Вулф и викторианской литературы: (см. об этом [Beer 1988], [Steinfeld 1985], [Nomans 2012]). А. М. Реус, размышляя об интерпретации Вирджинией Вулф жизни и творчества ряда романисток XIX в., совпадает с позицией Дж. П. Стейнфельд в том, что литературная критика Вулф об Остен, Ш. Бронте, Дж. Элиот, Э. Б. Браунинг и др. – это прежде всего «примерка» опыта и достижений предвикторианских и собственно викторианских писательниц к своему времени и собственному творчеству, и потому так сильна в ее литературоведческих работах биографическая составляющая, наполненная размышлениями о конфликте этих писательниц со своим временем и его стандартами (см. об этом [Reus 2018], [Steinfeld 1985]). Еще более примечательно одно из финальных суждений Джанис Стейнфельд: «По ходу своего творчества Вулф научилась сочетать и принимать собственные противоположные миры (*her opposing worlds*)» [Steinfeld 1985: 242]. Здесь исследовательница, конечно, имеет в виду столь характерное для художествен-

ного мира Вулф притягивание-отталкивание экспериментарского и традиционного (социально-психологического).

В знаменитой книге «Обыкновенный читатель» (*The Common Reader*; 1925), кстати посвященной Литтону Стрейчи, одно из центральных мест принадлежит включенным в сборник, но написанным ранее статьям о Джейн Остен, творчество которой хронологически не принадлежит к викторианской эпохе, но традиционно считается «прото-викторианским» по тематике, в том числе и по поиску женщиной своего места в предельно маскулинизированном мире, но большей частью – по романной форме и повествованию, о Джордж Элиот и ее романистике, о романах «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте и «Грозовой перевал» Эмили Бронте; а в статье о динамике жанра эссе в английской литературе упоминаются как самые необходимые звенья истории эссеистики произведения викторианцев (как бы они ни протестовали против нашего определения их таковыми) Ч. Лэма, М. Арнольда, У. Пейтера. Читая эти статьи писательницы, которой обычно приписывается едкая критика викторианства как социокультурного этапа, вдруг понимаешь, насколько миф об антивикторианстве Вулф далек от действительности и насколько Вулф как литературный критик бывает погружена в эстетическую целостность осмысляемого ею произведения, чтобы «не замечать» приписанности творчества к той эпохе, которую обычно противопоставляют модернистской.

Статья Вулф «"Джейн Эйр" и "Грозовой перевал"» (*Jane Eyre and Wuthering Heights*; 1916) весьма показательна в этом отношении. Примечательно, что она начинается практически со слома якобы собственного стереотипа по отношению к литературе XIX в.: «...в очередной раз открывая "Джейн Эйр", поневоле опасаясь, что мир ее [Ш. Бронте. – Б. П.] фантазии окажется при новой встрече таким же устарелым, викторианским и отжившим, как и сам пасторский домик посреди вересковой пустоши, посещаемый сегодня любопытными и сохраняемый лишь ее верными поклонниками. Итак, открываем "Джейн Эйр"; и уже через две страницы от наших опасений не остается и следа» [Вулф 1989: 501]. Более того, далее Вулф восклицает: «И наш восторг не иссякает на протяжении всей книги, он не позволяет ни на миг перевести дух, подумать, оторвать взгляд от страницы. <...> К финалу талант Шарлотты Бронте, ее горячность и негодование уже полностью овладевают нами» [Вулф 1989: 502].

Возникает закономерный вопрос, почему Вулф так интересны сестры Бронте, причем именно Шарлотта и Эмили (и в меньшей степени Энн)? Ответ мы находим в том числе и в выборе романов для размышлений: их героини не совпадают со стереотипными представлениями о

женщинах-викторианках (см. об этом подробнее [Проскурнин 2009]), а личности самих романисток ярко подтверждают наблюдение Вулф, весомо обозначенное ею в книге «Своя комната» (*A Room of One's Own*; 1928): «Перелистай давно позабытые романы, и сразу угадаешь между строк постоянный ответ на критику: здесь она [женщина-писательница. – Б. П.] нападает, а здесь соглашается. Признает, что “она всего лишь женщина”, или возражает: “ничем мужчины не хуже”» [Вулф 1992: 97].

Один из блестящих знатоков творчества английских писательниц XIX–XX вв. Е. Ю. Гениева, составитель примечательной антологии литературно-критической мысли ведущих романисток тех времен, справедливо считала, что особо пристальное отношение Вулф к творчеству сестер Бронте и Дж. Элиот связано в том числе и с «женским взглядом», с ее неафишируемым, но порою не менее действенным, чем радикальные выступления суфражисток, феминизмом. В этом отношении кстади феминистки в равной степени предъявляли претензии Элиот и Вулф из-за того, что писательницы открещивались от радикальных взглядов активисток феминизма первой волны, хотя своими художественными произведениями и образами героинь обе сделали для утверждения женского равноправия не меньше самых рьяных феминисток. Как совершенно справедливо пишет М. А. Хасиева, «реализация феминистской программы не постулировалась Вулф как самоцель ее творческого развития» [Хасиева 2013: 202]. Это же мы можем сказать и о Джордж Элиот: Карен Чейз подчеркивала, что, «стараясь не ставить себя в оппозицию своим друзьям-феминисткам, она [Джордж Элиот. – Б. П.] дистанцировалась от их политического рвения, обдумывая женский вопрос не спеша и вставляя его в контекст своих художественных произведений» [Chase 2000: 468]. В предисловии к названному выше собранию литературно-критических трудов нескольких выдающихся английских писательниц Е. Ю. Гениева отмечала: «Со своих женских позиций, который вряд ли в полную меру доступны мужчине, они вглядываются в **свою** суть...» [Гениева 1992: 6] (выделено мною. – Б. П.).

Иначе говоря, викторианки Бронте (ранний этап викторианской эпохи) и Джордж Элиот (так называемое «высокое викторианство») были интересны Вулф потому, что совпадали с ее представлением о том, насколько глубоко женщины могут смотреть в женскую душу и понимать ее, видеть и подчеркивать ее, женщины, индивидуальность и стремление к самостоятельности в решении вопросов своего бытия в социуме, отличающемся жесткостью гендерных требований. Поэтому Вулф интересны Ш. и Э. Бронте и Дж. Элиот тем, что рисовали геро-

инь, не совпадающих со стереотипом «ангела в доме» (К. Патмор) и, по Вулф, со стереотипом «служащего мужчине зеркала, способным вдвое увеличить его фигуру» [Вулф 1992: 96]. Да и сами романистки не отличались безропотным подчинением укоренившимся в обществе строгим и однозначным представлениям о том, что должно и можно женщине (достаточно вспомнить не благословенный церковью брак Джордж Элиот (Мэриэн Эванс) и Дж. Г. Льюиса).

Правда, в рассматриваемом небольшом эссе Вулф менее всего обращает внимание на викторианский социум: как и положено истинной «блумсберийке» на первом плане у нее художественное, эстетическое, искусство слова, гармония искусства: ведь члены группы были полны беспепелляционной уверенности в том, что высоко эстетическое уже есть залог высоко нравственного. Главным же в искусстве слова Вулф полагала создание характеров и более всего ценила мастерство вовлечения читателя во внутренний мир героя или героини. Как известно, именно этим славится творчество самой Вулф. Е. Ю. Гениева писала о романе «На маяк» (но мы можем отнести это ко всему творчеству писательницы): «Душа – вот главное, вот итог размышлений Вирджинии Вулф» [Гениева 1989: 7]. Потому и характер, создаваемый в искусстве и литературе, Вулф рассматривает не столько со стороны его социального каркаса, сколько со стороны, так сказать, личностного ядра, сложившегося еще до того, как персонаж начал выполнять свою социальную роль (и здесь видится ее близость к Лоуренсу); это ядро не лежит целиком в плоскости прямой связи с социальным, выступающим, по Вулф, как «некий общий контекст, субъективно преломленный в сознании героя», по меткому наблюдению культуролога М. А. Хасиевой [Хасиева 2013: 205]. В знаменитой статье «Мистер Беннет и миссис Браун» (*Mr Bennett and Mrs Brown*; 1924; примечательно, что первое название статьи, опубликованной вначале в журнале «Критерий», издаваемом Т.С.Элиотом, было «Характер в художественной литературе»), споря с Арнольдом Беннеттом, после публикации ее весьма экспериментального романа «Комната Якова» (*Jacob's Room*; 1922) обвинившим Вулф, а вместе с нею и Д. Г. Лоуренса, Дж. Джойса, Т. С. Элиота в неумении и нежелании создавать настоящие, убедительные, идущие от реальности характеры, Вулф дает свое толкование взаимоотношений характера и реальности в литературе: «Характер может казаться реальным для мистера Беннетта, но не реальным для меня», – подчеркивает она [Woolf 1924: 10]. Вулф полагает, что мастерство писателя-характеролога состоит вовсе не в подаче реальности «извне героя», не в разведении характера и реальности, а в наделении изображаемого характера прежде всего личностным смыслом бытия,

собственной «онтологией». Вулф-эстетик исходит из того, о чем пишут философы: человеческие смыслы бытия, выражаемые искусством, принципиально не редуцируемы и не могут быть полностью «переведены с зашифрованного языка искусства на язык привычных понятий, тем более окказиональных, конкретно временных (см. об этом [Кормин 1992: 92]).

Не случайно Вулф восхищалась умением Толстого в «Войне и мире» сделать так, что реальность предстает преломленной, растворенной в характере, и оттого она сама становится ближе и понятней читателю, а характер получает столь важное «наполнение» благодаря «пропущенной» через него и оставившей свои «следы» реальности, то есть получает то, что называется «бытийственностью». К ряду писателей-характерологов такого типа она относит Лоренса Стерна, Джейн Остен, Уильяма Теккерея, Шарлотту Бронте, Гюстава Флобера, Томаса Гарди. Они умели приводить читателя к видению того, что читатель должен был увидеть именно «через характер. Иначе они не были бы романистами...» [Woolf 1924: 11]. Когда Вулф пишет: «...и Стерн, и Джейн Остен интересовались вещами как таковыми, характером как таковым, романом как таковым. Вот почему все было внутри книги, а не вне ее» [Woolf 1924: 12], – она как раз имеет в виду, что в романах этих двух писателей, а также в произведениях тех, кого она назвала характерологами, ничего не существует вне мира героя/героини, все нацелено на объемную подачу этого характера, и ничто не отвлекает читателя от погружения во внутренний мир персонажа, а точнее – в его душу. При этом Вулф прекрасно понимала, что такое погружение не приведет к окончательному пониманию сути героя, поскольку душа человеческая неисчерпаема и непостижима, как, собственно, и реальность. Потому она так восхищалась Достоевским, в романах которого видела воспроизведение душ смятенных, не ограниченных какими-либо барьерами, которые переполняются и переливаются, разливаются и сливаются с душами других [Woolf a 1942: 228].

Поэтому когда далее в статье «Мистер Беннетт и миссис Браун» Вулф фантазирует о том, как бы изобразил писатель-эдвардианец Арнольд Беннетт едущую в поезде в Ричмонд некую миссис Браун (образ которой – ироническая вулфовская «реплика» королевы Виктории), она живописует излишне, на ее взгляд, пристальное вглядывание этого романиста в детали мира внешнего и подчеркивает, сколь равнодушен был бы такой писатель к самой миссис Браун в силу избранного им принципа изображения (см. [Woolf 1924: 13 – 14]). Более того, она еще раз акцентирует это же, уже обращаясь к роману самого Беннетта «Хильда Лессвейс» (*Hilda Lessways*; 1911), кстати рисуя образ

«новой женщины». Вулф, приведя пример разветвленного описания в романе в один из весьма напряженных моментов сюжета, подчеркивает: «Одна строчка взгляда внутрь могла бы сделать больше, чем все эти описательные строки» [Wolf 1924: 14–15]. Добавим «внутри души» – и нам откроется суть поэтики психологической прозы Вулф. И одновременно нам откроется одна из причин такого увлеченного внимания к романам двух сестер Бронте. Не случайно Вулф обращает внимание на не утоленное Шарлоттой Бронте желание «прорваться к самому очагу их [героинь. – *Б. П.*] души», «неровный, горячий свет» которого «падает на ее страницы», по мнению автора эссе [Вулф 1989: 504]. Подчеркнем, что переводчик использует слово «душа», тогда как Вулф использует слово «heart»: «won a place by their hearts' very hearthstone», – читаем мы в оригинале [Woolf 1942: 200]. Однако контекст, в котором использована эта метафора, вполне позволяет переводчику использовать слово «душа», английский эквивалент которого, «soul», Вулф станет широко использовать благодаря ее знакомству с русской литературой и после восхищенной статьи о Чехове, Достоевском, Толстом, в написанной позже эссе о романах сестер Бронте – в 1925 г.

Принципиально для «характероцентризма» искусства Вулф и ее восхищение Шарлоттой Бронте, которая заставляет читателя видеть то, что видит Джейн, чувствовать то, что чувствует она, ни на секунду не позволяющая читателю забыть о своем присутствии: «Там где нет ее, мы напрасно стали бы искать их [«разные удивительные лица и фигуры, четкие контуры и узловатые черты»]. Подумаешь о Рочестере, и в голову сразу приходит Джейн Эйр. Подумаешь о верещатниках – и снова Джейн Эйр. И даже гостиная, эти белые ковры, на которые словно брошены пестрые гирлянды цветов», этот «камин из бледного паросского мрамора, уставленный рубиновым богемским стеклом, и вся эта «смесь огня и снега», – что такое все это, если не Джейн Эйр?» [Вулф 1989: 502].

Именно в погружении в души героев и во взгляде на мир через души (внутренний мир) героев и героинь видится Вулф основа поэтичности в романах обеих сестер Бронте. Любопытно, что при этом для Вулф понятия «душа» и «характер» не синонимичны; судя по всему, они даже и не равновелики – душа нечто более концентрированное, более глубокое (она полагает, что характеры у Шарлотты Бронте примитивны и утрированы» [Вулф 1989: 504]). Основа поэтичности прозы старших сестер Бронте видится Вулф в том, что они обе воспаряют «высоко над обыденностью человеческой жизни», в их страстности (особенно Эмили: по Вулф, она – «больше поэт, чем Шарлотта»), а потому в их прозе «мало обыкновенных слов» [Вулф 1989: 504].

Шарлотта, но более Эмили, представляются Вулф романистками, которые не просто «парят» над будничной викторианской реальностью, а пытаются выйти на обобщения, лежащие вне плоскости викторианства. Вот почему Вулф подчеркивает, что «Шарлотта все свое красноречие, страсть и богатство стиля употребляла для того, чтобы выразить простые вещи “Я люблю”, “Я ненавижу”, “Я люблю”» [Вулф 1989: 505]. (Слово «простые» привнесено в перевод его автором, его нет в оригинале [(см. Woolf 1942: 201)], но эта вольность не искажает тот смысл, который Вулф вкладывает в эти размышления: действительно писательница подчеркивает предельную, онтологическую простоту, т. е. «конечность» этих утверждений Бронте и ее героини.) Эмили кажется Вулф писателем, чье вдохновение – «более обобщенное», в ее романе «ощущается этот титанический замысел, это высокое старание – наполовину бесплодное – сказать устами своих героев ... “Мы род человеческий” и “Вы, предвечные силы...” [Вулф 1989: 505]. И далее Вулф акцентирует: «Именно эта мысль, что в основе проявлений человеческой природы лежат силы, возвышающие ее и поднимающие к подножью величия, и ставит роман Эмили Бронте на особое, выдающееся место в ряду подобных ему романов» [Вулф 1989: 505]. В конце своего эссе Вулф подчеркивает, что контуры характеров героинь Эмили (в определенной степени это можно отнести и к образу Джейн Эйр) заполнены «таким могучим дыханием жизни, что ее персонажи становятся правдоподобнее правды» («with such a gust of life that they transcend reality» – [Woolf 1942: 204]), хотя при этом она «высвобождает жизнь от владычества фактов, двумя-тремя мазками придает лицу душу, одухотворенность» [Вулф 1989: 506] («with a few touches indicate the spirit of a face, that it needs no body» [Woolf 1942: 204]).

В этом отношении Вулф, откликаясь на онтологические импульсы «Грозового перевала», чем особенно ее и привлек роман, безусловно, мыслит в духе блумсберийской философско-эстетической парадигмы: «художник не копирует природу, но создает другое естество, он не подражатель, а творец» [Хасиева 2013: 205]. Одновременно она «выводит» эти два романа сестер Бронте из сугубо викторианского контекста, делая критико-исследовательский акцент на общечеловеческом содержании тематики, проблематики, образности. Очевидно, что этот акцент Вулф делает, исходя из своих, во многом блумсберийски ориентированных взглядов. Но эффект, которого достигает Вулф в своей литературно-критической фреске об этих двух романах и который мы ощущаем до сих пор, держится не за счет сближения поисков и нахо-

док двух сестер с модернистскими, а за счет общеэстетического пафоса, вложенного гениальной писательницей в размышления о своих гениальных предшественницах. Вулф писала о своих литературно-критических эссе: «Здесь я ближе к своему истинному “я”...» (цит. по [Гениева 1989: 17]). Читая это эссе, мы не только (а может быть, даже и не столько!) видим, как понимает и трактует два великих романа английской литературы XIX в. одна из тех, кто определил горизонты литературы XX в. Мы много больше и глубже понимаем своеобразие художественного мира самой Вирджинии Вулф.

Список литературы

Вулф В. «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал» / пер. с англ. И.Бернштейн // Вулф В. Избранное. М.: Художественная литература, 1989. С.501–506.

Вулф В. Своя комната // Эти загадочные англичанки / пер. с англ. Составитель Е.Гениева. М.: Прогресс, 1992. С. 78–154.

Гениева Е. Ю. Правда факта и правда видения // Вулф В. Избранное пер. с англ. М.: Художественная литература, 1989. С.3–22.

Гениева Е. Ю. Жемчужины в короне // Эти загадочные англичанки / пер. с англ. Составитель Е.Гениева. М.: Прогресс, 1992. С.5–26.

Кормин Н.А. Онтология эстетического. М.: Наука, 1992. 117 с.

Проскурнин Б. М. Джордж Элиот и Вирджиния Вулф: об одной юбилейной публикации // Мировая литература в контексте культуры / Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Пермский университет, 2006.С.120–132.

Проскурнин Б. М. Джордж Элиот и Дэвид Герберт Лоуренс: так ли далеки викторианство и модернизм? // Филолошки студии. Выпуск 5. Скопје, Перм, Лубляна, Загреб, 2007. Т.2. С. 60 – 70.

Проскурнин Б. М. Новый человек и новое время в романе Шарлотты Бронте «Джен Эйр» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Выпуск 4. С.51–62.

Проскурнин Б. М. Романное в нероманном: о книге Литтона Стрейчи «Именитые викторианцы» // Мировая литература в контексте культуры. 2020. № 11 (17). С.65–76.

Хасиева М. А. Гендерная проблематика и феминизм в творчестве Вирджинии Вулф // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. М.: Грамотей, 2013. № 1–2 (27). С.202–207.

Beer G. The Victorians in Virginia Woolf: 1832 - 1941 // Dickens and Other Victorians. Essays in Honour of Philip Collins / Edited by Joanne Shattock. London: Palgrave Macmillan, 1988. P. 214 – 235.

Chase K. The Woman Question // Oxford Reader's Companion to George Eliot / Edited by John Rignall. Oxford: Oxford University Press, 2000. P.466–471.

Homans M. Woolf and the Victorians // *Virginia Woolf in Context* / Edited by Bryony Randall and Jane Goldman. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 410–422.

Joyce S. On or About 1901: The Bloomsbury Group Looks Back at the Victorians // *Victorian Studies*. Summer 2004. Volume 46. Number 4. P. 631–654.

Reus A. M. Virginia Woolf Is Rewriting of Victorian Women Writers' Lives. PhD Thesis. Leeds: Leeds University, 2018. 245 p.

Steinfeld J. P. The Victorian Heritage of Virginia Woolf: The External World in Her Novels (Time, Setting, Communication, Language, Society. PhD Diss. Houston: Rice University, 1985. 260 p.

Sweet M. Inventing the Victorians. New York: St. Martin's Press, 2001. xxiii p.; 298 p.

Woolf V. Mr Bennett and Mrs Brown. London: The Hogarth Press, 1924. 24 p.

Woolf V. *Jane Eyre* and *Wuthering Heights* // Woolf V. The Common Reader. Fifth Edition. London: The Hogarth Press, 1942. P. 196–204.

Woolf V. (a). The Russian Point of View // Woolf V. The Common Reader. Fifth Edition. London: The Hogarth Press, 1942. P.219–231.

**«TO WIN A PLACE BY THEIR HEARTS' VERY HEARTHSTONE»:
TWO NOVELS BY THE SISTERS BRONTË
AS ASSESSED BY VIRGINIA WOOLF**

Boris M. Proskurnin

Doctor of Philology, Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15.

bproskurnin@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

Submitted 25.05.2021

The article deals with the content and form of Virginia Woolf's essay «"Jane Eyre" and "Wuthering Heights"» (1916) which was included by the writer into her «The Common Reader» (1925). The author of the article analyses artistic peculiarities of Woolf's essay and shows how much its originality is close to the writer who positioned herself as the writer opposed to old-fashioned novelistic art of the Victorian Age. One of the ideas of the article is to show that when Woolf sees real pieces of great art of which the novels under analysis are, she takes in no consideration their Victorian origin; thus the myth of total anti-Victorianism of Woolf is called into question. The author of the article asserts that the very choice of these two novels and high analytical level of assessment of these bright example of English prose definitely lead to better understanding of Woolf's artistic world as a whole.

Key words: Charlotte Brontë, Emily Brontë, Virginia Woolf, "Bloomsbury", realism, modernism, English novel, the Victorian Age.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Проскурнин Б. М.. «Прорваться к самому очагу души»: два романа сестёр Бронте в рецепции Вирджинии Вулф // *Мировая литература в контексте культуры*. 2021. № 12 (18). С. 80–90. doi 10.17072/2304-909X-2021-12-80-90

Please cite this article in English as:

Proskurnin B. M. «Prorvatsya k samomu ochagu dushi»: dva romana sester Bronte v retseptsii Virdzhinii Vulf [“To Win a Place by Their Hearts’ Very Haerthstone”: Two Novels by the Sisters Brontë as Assessed by Virginia Woolf]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture], 2021, issue 12 (18). pp. 80–90. doi 10.17072/2304-909X-2021-12-80-90